

АСОНОВ Николай Васильевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1; nbassonov@yandex.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО БАНКРОТСТВА ЦАРСКОЙ РОССИИ КАК УРОК ДЛЯ ЕЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье анализируется экономическая составляющая утилитарной группы ресурсов управления, оказавшая решающее влияние на ослабление и последующее падение монархии в России, вызванное ростом зависимости банковской и промышленной сфер от международных бизнес-структур, ориентированных на либеральные ценности и выдающих в русском царизме своего главного политического конкурента, препятствующего их мировому господству. Современное состояние экономики России также зависит от либерального Запада, подрывая надежды на успешное движение нашей страны по пути самостоятельного цивилизационного развития и политического суверенитета.

Ключевые слова: царская Россия, современная Россия, экономический фактор, политическая борьба, цивилизационное противостояние, власть

В основу данной статьи положены две аналитические парадигмы. Первая – политическая, согласно которой политика всегда выступает как важнейший вид социальной борьбы, связанной с захватом или удержанием власти как центральной категории всей общественной жизни. Конечная цель этой борьбы – установление полного господства над миром в пользу победителя. Это делает противоборство между участниками властных отношений наиболее острым, сводя его к банальной дихотомии в виде противопоставления добра и зла. Поэтому победа над врагом здесь сводится не к его ослаблению, а к «полному обращению противника в свою веру» [Киссинджер 2015: 104]. Здесь успеха достигает только тот, у кого этот набор представлен наиболее полно как в качественном, так и количественном выражении. И если говорить о ресурсах управления, то среди них самое важное место принадлежит утилитарной группе, в которой центральную позицию занимает экономика.

Вторая парадигма – цивилизационная. Она выступает как отрицание формационной парадигмы, предлагающей однолинейный взгляд на историю человечества, идущего по пути совершенствования, где победа либеральной демократии над теократической монархией подается как некое благо. Между тем, эпоху Нового и Новейшего времени в первую очередь надо анализировать с точки зрения противоборства цивилизаций и присущих им ценностно-целевых установок, формирующих специфику организации государства и бизнеса.

Тут следует принять трактовку цивилизации, данную О. Шпенглером. В ней он видел не только процесс борьбы разных ценностно-целевых установок, но и финальную стадию жизни мирового сообщества. Эта стадия на фоне «диктатуры денег» и связанного с ней технического прогресса неизбежно ведет к падению духовной культуры и превращению граждан в безликую однородную массу, когда торжествует «культ точных наук», а «критическое исследование перестает быть духовным идеалом» [Шпенглер 1998: 624]. Поэтому начало XX в. он связывал с конечным этапом истории, когда «деньги празднуют свою последнюю победу».

В контексте данных парадигм экономической фактор политического банкротства российской власти, обозначившийся во второй половине XIX в., надо рассматривать в двух направлениях.

1. Переход в финальную стадию конфликта между североатлантической цивилизацией с православно-славянской, единственным оплотом которой с XV в. была Россия. Перед ее лицом протестантский и католический миры готовы были объединиться и максимально использовать утилитарную группу ресурсов управления. Адекватно ответить на подобное давление Россия не могла. Это неизбежно вело ее в финансовую кабалу, грозившую потерей политической самостоятельности.

2. Растущее желание либеральных сил Запада, сумевших после франко-прусской войны 1870–1871 гг. закрепиться во Франции и мечтающих утвердить свою гегемонию по всему миру. Добиться поставленной цели они могли путем раскола консервативного лагеря теократических монархий. Для этого им надо было с опорой на утилитарные ресурсы перетянуть на свою сторону Россию и направить ее на уничтожение главных монархий Европы, а когда она будет обессилена, то легко разделаться с ней. Вот почему борьба за экономическую сферу России приобрела самый острый характер, препятствуя независимому развитию ее бизнеса.

На первых порах внешнему воздействию мешал наш аграрный сектор, вскоре превратившийся в мощный источник оппозиционных настроений. Дело в том, что после реформы 1861 г. Россия оставалась крупнейшей страной помещичьего землевладения. По данным переписи 1877 г., в руках дворян находилось более трех четвертей всей частновладельческой земли, причем ее значительная доля принадлежала небольшой группе магнатов, из которых всего 1 000 семей владела 30 млн десятин отборной земли. Зато подавляющая масса крестьян страдала от малоземелья, ибо в ходе грабительской реформы 1861 г. народу пришлось расстаться с частью своих угодий, т.к. они не имели средств, чтобы выкупить их у своих бывших хозяев.

Кроме того, с конца 1870-х гг. Россия вступила в полосу затяжного экономического кризиса. Его специфика заключалась в том, что, в отличие от стран Запада, в которых кризис ударил по промышленности, у нас он в первую очередь поразил сельское хозяйство. Это обстоятельство заставляло крестьян продавать сельхозпродукты на рынке по заведомо низким ценам, в то же время с разрешения властей выросли размеры отработок и ухудшились условия аренды земли. Подобное положение дел порождало в крестьянах мощную оппозиционную силу, которую можно было использовать в интересах либерально-демократического лагеря, готового объединить в революционной борьбе всех недоброжелателей самодержавием — от старообрядцев до атеистов.

Зато отсталость сельского хозяйства, медленно распадающийся общинный уклад тормозили приход западного капитала в деревню и мешали ему устанавливать свой контроль над землей и рабочей силой, находящейся на ней. Следовательно, экономическое подчинение России интересам западных стран откладывалось на неопределенное время, сохраняя ей некоторую возможность для лавирования во внешней политике.

Закреплению данной возможности мешало желание императорского двора иметь мощную экономическую базу для отпора своим противникам из другого цивилизационного лагеря. Это вынуждало Россию, начавшую со времен Петра I перестраивать себя на протестантский манер, обращаться за помощью к своим «учителям» и проводить скрытую политику протекционизма в первую голову для них. При этом России приходилось лавировать между консерва-

тивным и либеральным лагерями североатлантической цивилизации, каждый из которых стремился использовать собственную экономическую мощь для подчинения России своей воле. Вот почему важной частью экономики нашей страны стало банковское дело, обеспечивающее финансирование всех направлений экономики, включая внеэкономические сферы, например кредитование царской фамилии. Это ставило правящий дом в прямую зависимость от банковского капитала.

В период экономического кризиса, потрясшего Россию с 1873 по 1875 г., многие из отечественных коммерческих организаций обанкротились. Новый экономический подъем оказался весьма кратковременным и уже в 1882 г. сменился еще более жестоким кризисом. Только в 1887 г. намечилось некоторое оживление экономики, которое сменилось периодом стагнации. Из состояния глубокого застоя страна стала выходить лишь в 1893 г. На этом и стал играть западный бизнес. Давя на российскую власть, он реализовывал две враждебные друг другу политики. Одна политика отвечала интересам теократических монархий Европы во главе с Германией, вторая удовлетворяла нужды либерально-демократических стран, среди которых у нас главную роль стала играть Франция.

К началу правления Александра III немецкая индустрия, пользуясь протекцией его отца, заняла на внутреннем рынке России господствующие позиции. Это дало ей право откровенно влиять через бизнес на ход нашей политики. Чтобы ограничить аппетиты своих союзников, Петербург стал поднимать ввозные пошлины на немецкие товары. В итоге германская промышленность стала быстро терять русский рынок. Особенно сильно это ударило по Германии в 1885 г., когда началось новое повышение пошлин. В Берлине сочли себя жестоко задетыми потерей русского протекционизма. Чтобы остановить этот процесс, Бисмарк решил поддерживать Россию почти во всех ее политических проектах. И это принесло свои плоды. Александр III отсрочил намеченное повышение тарифных ставок на железо и уголь.

Такой жест спровоцировал в отечественной прессе бурную антигерманскую кампанию, затеянную идейным вождем русских консерваторов М.Н. Катковым. Это сильно ударило по престижу царя как защитника православно-славянского мира. Александр III был вынужден склониться в пользу Каткова. Ближайший сотрудник министра иностранных дел В.Н. Ламсдорф по этому поводу в 1887 г. оставил следующую запись: «Интриги Каткова сбили нашего государя с пути. Его величество высказывается не только против тройственного союза, но даже против союза с Германией». Так политическая безграмотность лидера русских консерваторов привела к новому ухудшению отношений не только с Германией, но и с Австро-Венгрией, за которыми стояли германские династии Баттенбергов и Гогенцоллернов, утвердившиеся в Болгарии и Румынии.

Развитие экономических отношений в подобном духе толкало Россию на военно-экономическое сближение с либерально-демократической Францией, к которому на определенных условиях могла примкнуть Великобритания как главный экономический конкурент Германии на западе Европы. Опасаясь вторжения Германии, Франция осведомилась у Александра III, будет ли оказана ей «моральная поддержка», на что царь четко ответил: «Конечно, да!»

Узнав об этом, Бисмарк в 1887 г. призвал сохранять дружбу с Россией, и царь воздержался от сближения с Францией. В 1887 г. он дал согласие на возобновление переговоров с Германией о замене истекавшего договора трех императоров двойственным русско-германским соглашением. При этом Германия про-

должала вести скрытую антирусскую политику, создав союз с Австро-Венгрией и Италией. На следующий год Бисмарк возобновил скрытый союз с Румынией против России. Косвенная информация, просочившаяся по этому поводу, привела к новым осложнениям между Берлином и Петербургом. В довершение всего царь получил достоверные сведения об антироссийской политике Бисмарка в Болгарии, направленной на недопущение всякого усиления православно-славянского цивилизационного единства. В схожем направлении работали лондонские эмиссары в Греции, посадив там на престол «своего человека» из династии Глюксбургов.

Тогда Александр III вновь обратил свой взор на Париж. Затянувшаяся экономическая война между Германией и Россией закончилась поражением Германии только благодаря Франции. В 1888–1889 гг. на парижском денежном рынке была проведена мощная финансовая операция по конверсии русского государственного долга. С тех пор один заем следовал за другим, и французский капитал стал главным кредитором российской власти, постепенно подчиняя ее политике интересам Парижа, ведь к началу 1890 г. задолженность России французским банкам достигла 2 600 млн франков и продолжала неуклонно расти.

Однако царя все еще пугала опасность сближения с Францией, создающая угрозу православной монархии и провоцирующая укрепление либеральной оппозиции внутри страны, кормящейся на парижские деньги. Поэтому Александр III оттягивал сближение с Францией, которая, кстати сказать, первая предложила в 1891 г. заключить военно-политический союз между двумя странами. Дав на этот счет уклончивый ответ, царь вскоре поплатился за свою нерешительность. Узнав о ней, парижский дом Ротшильдов тут же отказал России в обещанных кредитах и напомнил о тяжелой участи евреев, живущих в черте оседлости.

В это же время, наряду с французскими капиталами, явное преобладание получили вклады франкоязычных бельгийских банков, возросла доля английских и американских вложений, зато немецкие кредиторы были оттеснены с первого места на третье. Это еще больше разожгло финансовый очаг напряжения между сильнейшими монархиями мира. Вместо объединения они пошли по пути новой конфронтации, которая должна была разорить их и поставить в зависимость от экономики и политики либеральных стран, теперь добивающихся их военного стравливания.

Между тем хозяева капиталов, идущих из стран либеральной демократии в Россию, захватили ключевые позиции в горнодобывающей и металлургической промышленности, а нефтяной сектор попал в зависимость от английского капитала. Таким образом, оборонная сфера России все больше и больше привязывалась к либерально-демократическому лагерю Запада в качестве его филиала. Это «филиальное» состояние вынудило Александра III уступить Ротшильдам и пойти на заключение с Францией «консультативного пакта», а когда в том же 1891 г. в Кронштадт прибыл французский флот, царю пришлось снять фуражку и стоя слушать ненавистную ему «Марсельезу», воспевающую победоносную борьбу демократов с монархией.

Летом 1892 г. в Петербурге была подписана военная конвенция, но министр иностранных дел Н.К. Гирс не дал ей хода, надеясь оттянуть опасное сближение с Парижем. Но все испортил новый германский император, совершив в 1893 г. враждебные действия по отношению к России. Стремясь усилить влияние немецкого капитала и продукции на российском рынке, он спровоцировал таможенную войну, победа в которой должна была подчинить экономику

нашей страны германскому крупному бизнесу и тем самым ослабить экономические ресурсы либеральных стран. В Петербурге свои имперские амбиции решили поставить выше общих интересов христианских монархий Европы и не уступать Берлину. Париж охотно поддержал Романовых в данном конфликте и выделил новые займы.

В итоге 27 декабря 1893 г. Россия согласилась на проект франко-русской военной конвенции. Преждевременная смерть Александра III в 1894 г. не могла повернуть часы внешнеполитической истории России в обратную сторону. Под союз с Францией и стоящими за ней олигархическими кругами была подведена мощная финансовая платформа. Разорвать ее новый российский император не решился. Время стало отмерять последние часы Российской империи и ее последнего государя, ставшего заложником экономических комбинаций, сложившихся при его отце.

Думается, понимание трагичности этого положения, ударившего через утилитарную группу ресурсов по всей управленческой модели России, заставило В.О. Ключевского сделать в конце XIX в. печальный вывод о губительном характере прозападной политики российской власти, начатой Петром I. Ведь «чем более мы сближались с Западной Европой, тем труднее становилось у нас проявление народной свободы, потому что средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоев общества, обращались на их охрану, не на пользу страны, усиливая социальное неравенство». В результате «у нас нет ничего настоящего, а все суррогаты, подобию, пародии». Надеяться, что государственная власть в таких условиях сможет сохранить себя, не приходится. В любом случае, считал великий русский историк, «эта династия не доживет до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана» [Ключевский 1990: 296, 360, 443]. Так оно и случилось в 1917 г.

Какой из этого следует урок для современной России? На сегодняшний день наше отечество не является страной-цивилизацией, ибо в структуре ее политической и социальной системы нет ничего своего; не носит суверенный характер и ее экономическая сфера. У нас сейчас, как и тогда, по-прежнему есть только «суррогаты, подобию, пародии». Все, чем мы обладаем, указывает на встроенность России в североатлантическую цивилизацию на правах периферийного элемента. Здесь разговоры о нашем евразийстве и особом пути пока что носят декларативный характер, нацеленный на легитимацию власти.

Сегодня, как и 150 лет назад, у нас идет «переслоение общества по интересам», которое по-прежнему не может сомкнуться «в общественные классы, способные найти своих представителей». Тут «можно проектировать какие угодно системы народного представительства, выкраивая их по образцу... Земских соборов, или по современным западноевропейским конституционным шаблонам. Но такие учреждения рискованны и ненадежны. Жизнь должна сама создавать свои формы, прилаженные к наличным условиям места и времени» [Ключевский 1990: 351]. В начале XX в. народ сумел найти выход из кризисного положения, дав ход Советам как государственному органу власти и создав национальную модель банковской системы и экономического устройства, что позволило победить в 1945 г. и вырваться в космос. Теперь у российской власти есть последняя возможность доказать свой суверенитет и свою народность, обратившись к разработке собственных схем экономического фундамента и политического устройства, отвечающих требованиям Новейшего времени. Если это не произойдет в ближайшие годы, наша зависимость от тех, кто разрушил царскую Россию и Советский Союз, будет только возрастать.

Список литературы

Киссинджер Г. 2015. *Понять Путина. Политика здравого смысла*. М.: Алгоритм. 208 с.

Ключевский В.О. 1990. *Сочинения*. В 9 т. М.: Мысль. Т. 9. 525 с.

Шпенглер О. 1998. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 1. *Геиштальт и действительность*. М.: Мысль. 663 с.

ASONOV Nikolai Vasil'evich, *Dr.Sci. (Pol.Sci.)*, Professor of the Chair of Political Science, Moscow State Pedagogical University (bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; nbassonov@yandex.ru)

THE ECONOMIC FACTOR OF THE POLITICAL BANKRUPTCY OF TSARIST RUSSIA AS A LESSON FOR ITS CONTEMPORARY HISTORY

Abstract. *The article analyzes the economic component of the utilitarian group of management resources, owners of which had a decisive influence on the weakening and subsequent fall of the Russian Empire's Monarchy. It was caused by the growth of its dependence of the banking and industrial spheres of the international business structures, focused on the so-called liberal values and seeing their main political competitor in the Russian Tsarism, which would impede their world domination. The current state of the Russian economy is also dependent on the liberal western values and for this reason counting on the successful progression of contemporary Russia on the path of independent civilizational development and political sovereignty.*

Keywords: *Tsarist Russia, contemporary Russia, economic factor, political struggle, civilizational confrontation, power*